Откуда гречиха

Жила на Руси девушка, уж такая раскрасавица, что и сказать нельзя! И богобоязный человек была эта девушка! Старики еще рассказывали нашим старикам, а те старики сами слышали от своих стариков; эта-то девушка ни одной службы Божией не прогуливала; и не то чтобы в праздник большой, в воскресенье, что ли, а так кажедень, кажедень к заутрене, к обедне, к вечерне, а есть всеночная, и ко всеночной сходит! Сказано, богомольный человек была... Жила эта девушка с своими родителями, с своим отцом-матерыо, всему роду своему, племени только славу клала...

Только за ее добродетель, что ли, захотел Бог ее наказать искусом. Знамо дело: Бог кого любит, того и наказует. [...] А такое Бог послал наказание: наслал литву ли поганую, а кто говорит — татар, разно говорят... Только литва ли, татары ли набежали на Россею, да прямо на то село самое, где жила эта девка с своим отцом; коих жителев побили, порубили, коих показнили, коих мечу предали, а красных девушек, молодиц которых в полон взяли... И вышло так: девке досталось в полон идти, а родителев злодеи показнили: головушки отрубили и христианские их тела поганым псам бросили... Так Бог попустил! Взяла литва ту девушку в полон и повезла ее в свою поганую Литву и отдала ее татарину.

А у татар, известное дело, жен сколько хочешь бери; у татар жены покупные, сколько хватит денег, столько жен и бери. Так татарин задумал свою полоняночку за себя взять. Полоняночка билась, билась: не хотелось ей за татарином быть. Да и какой будет муж для христианской души — поганый некрещеный татарин? Только билась девка, отбивалась, а кто ее знает, может, и силой на любовь к татарину пошла? Одни говорят, что девка отбилась; другие болтают, что девка с татарином закон приняла; только и закон приняла не вольною волею, а силом... Ну да как бы там ни было, а девка с белой зари до поздней ночи, а с поздней ночи до белой зари девка ревмя ревет, плачет, убивается, все тоскует по своему дому. «Батюшки с матушкой, — говорит,— и нет в живых... (а ее отца и мать на глазах у ней злодеи загубили!) Батюшки с матушкой нет в живых, а все бы хотелось побывать в своем дому, хоть бы одним глазком глянуть на могилки родителей!»

Девка плачет, молится, святую милостыньку раздает и все об одном Бога просит: как бы домой побывать. Подаст святую милостыньку, а сама скажет: «Моли обо мне, старый человек, чтоб быть мне на своей Россеюшке!» И много она Богу молилась, и много она святой милостыни пораздавала... Стоит раз девка на коленочках, Богу молится, а под окошечком: «Кормилицы наши родные! Сотворите свою святую милостыню!» Встала девка с своей праведной молитвы, откроила краюшку хлеба. «На, — говорит, — стар человек, прими мою милостыню, да моли обо мне Бога небесного, мать пречистую Богородицу, душа просится побывать в своем дому. Не дает Господь живой побывать, хоть бы Бог привел моим косточкам лежать рядышком с моими родителями, с моим отцом-матерью!» А нищенький-то был святой человек. Принял святой человек милостыню, сказал слово — девка Богу душу и отдала, умерла. [...]

Умерла та девка, и похоронили ее не по нашему обряду христианскому, а по ихнему обычаю поганому, татарскому. Только силен Бог. Схоронили девушку, на полянку насыпали землицы, а на той землице и выросла та девушка праведная. [...] Не сама собой выросла-то праведная, а выросла только душа ее: пошла по ее могилочке гречка, а гречка-то и была душа самой той праведницы. Проходит там сколько время, пришла опять нищая братия к тому дому, где жила полоненная девица, за святою Христовою милостынею. Раз пропела нищая братия: «Кормилицы наши батюшки! Сотворите свою святую Христову милостыню!» Другой пропела: «Сотворите свою святую милостыню!» А все в окошечко не подают. «Что за притча такая, — думает нищая братия, — сколько раз ни приходили, всегда нам полоняночка наша с Руси, русская, подавала Христову святую милостыню, а нонече того нет?» — «Оттого нонече того нет, — говорят нищей братии, — оттого нет святой милостыни, что ваша полоняночка с Руси, русская, померла».

Заплакала нищая братия. «Пойдем на могилу и поклонимся, — говорит нищая братия, — для того что душа ее была милосливая; верно, та душа Богу угодила». Спросили, где могилка, пошли на могилку, да как глянули: ажно та душа на могилке гречишкой выросла! А гречишки до той поры и на свете не было. [...] Смотрят: цвет от гречишки чистый да белый: ровно как душа ее была перед Богом чистая да белая! Взяла нищая братия ту гречишку и понесла на свою на Россеюшку. Оттого и пошла по земле гречишка у нас.

(Зап. в Уколове Курской губ.)

Якушкин П. И. Путевые письма // Якушкин П. И. Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. М., 1986.